«ИЛЬИН ИСКАЛ СУЩНОСТЬ СВОБОДЫ КАК ПОДОБИЯ БОЖИЯ В ЧЕЛОВЕКЕ»

ИНТЕРВЬЮ С ЮРИЕМ ЛИСИЦЕЙ

Доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, составитель и комментатор многотомного Собрания сочинений И.А. Ильина, участник и организатор перезахоронения останков И.А. Ильина и Н.Н. Ильиной.

Любовь Ульянова: *Уважаемый Юрий Трофимович, Президент России Владимир Путин в своих выступлениях сослался на понимание свободы Ильиным, оно есть во многих ранних работах (например, о Фихте). Как Вы можете охарактеризовать понимание свободы Ильиным?*

Юрий Лисица: На этот вопрос невозможно ответить в двух словах. И не будем путать изложение Ильиным исторических философских идей с его собственными. Ильин в третьей главе «О свободе» своей фундаментальной книги 1935 года «Путь духовного обновления» пишет, что «человек должен быть в своей вере свободен». Здесь он имеет в виду, прежде всего, внешнюю свободу человеческой личности. Не свободу делать все, что кому захочется, с тем, чтобы другие люди не смели ни в чем мешать, но свободу веры, воззрений и убеждений, в которую другие люди не имели бы права вторгаться с насильственными предписаниями и запрещениями; иными словами — свободу от недуховного и противо-духовного давления, от принуждения и запрета, от грубой силы, угрозы и преследования.

Любовь Ульянова: *Это во многом напоминает цитату из Ильина в Послании Владимира Путина 2005 года...*

Юрий Лисица: Да, процитирую из Послания Президента: «“Государственная власть,— писал великий русский философ Иван Ильин,— имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подходящая к человеку ... И все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться... Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество... Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт и без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей”. Давайте не будем забывать об этом». Понятно, что государство не способно регулировать вопросы свободы веры и свободы любви, оно может только предоставить своим гражданам политическую свободу — по Ильину, самую нижнюю ступень свободы.

> УСЛОВИЯ ВНУТРЕННЕЙ СВОБОДЫ ДОЛЖНО СОЗДАТЬ ГОСУДАРСТВО – И ЭТА РАБОТА, ПО МЫСЛИ ИЛЬИНА, ЕСТЬ «ДЕЛО БОЖЬЕ НА ЗЕМЛЕ»

Свобода — это внутреннее делание самоуправляемой личности. Но условия для ее существования должно создать государство — в этом его идея, в этом его смысл; и эта работа, по мысли Ильина, есть «дело Божье на земле». Однако понимать «внешнюю свободу» человеческого духа

как формальную и безмерную было бы глубокой и опасной ошибкой: ибо внешняя свобода («не заставляй, не прельщай, не запрещай, не запугивай»...) дается человеку именно для внутреннего самоосвобождения.

Любовь Ульянова: *А что же тогда, по Ильину, «внутренняя свобода»?*

Юрий Лисица: Ильин сам задает этот вопрос следующим. Вот его ответ: «Если внешняя свобода устраняет насильственное вмешательство других людей в духовную жизнь человека, то внутренняя свобода обращает свои требования не к другим людям, а к самому — вот уже внешне нестесненному человеку. Свобода, по самому существу своему, есть именно духовная свобода, т.е. свобода духа, а не тела и не души».

Любовь Ульянова: *Как связывает Иван Ильин свободу внешнюю и внутреннюю свободу?*

Юрий Лисица: Имеется глубокая и нетривиальная связь внешней и внутренней свободы человека. Поскольку опыт свободы — невероятно труден (хотя в глубине каждой души есть настоящая любовь к подлинной истинной свободе), Ильин сурово предупреждает об опасностях и ошибках такого опыта: «Ни внешняя свобода духа, ни политическая свобода никогда не должны проводиться последовательно, до конца, до беспредельности и разнуздания... Не следует отказывать человеку во внешней, отрицательной свободе, но, давая ее ему, необходимо объяснять ему, что смысл ее во внутреннем самоосвобождении... и что человек, не сумевший внутренне освободить себя к духу, к дисциплине и к свободной лояльности, не заслуживает политической свободы, и притом потому, что он только и сумеет злоупотребить ею, себе и другим на погибель. Здесь лежит естественная и необходимая грань внешней свободы. Однако в этом же направлении следует искать и предел политической свободы: надо подготовлять человека к ней, объясняя ему, что она теснейшим образом связана с процессом внутреннего самоосвобождения, что политическая свобода призвана служить не личной или классовой корысти, а ограждению и расцвету права, справедливости и родины... А это значит, что и здесь не может быть безграничной свободы — ни в даровании, ни в осуществлении. Есть минимум внутренней свободы, ниже которого политическая свобода теряет свой смысл и становится всеразрушительным началом».

Любовь Ульянова: *Получается, что Иван Ильин внутреннюю свободу делает необходимой предпосылкой для свободы политической, которая может быть опасной, как для стабильности, так и для развития общества?*

Юрий Лисица: Именно так. Ильин далее пишет: ««Даровать» народу политическую свободу — иногда значит ввести его в искушение и поставить его на путь гибели... Первое условие политической свободы есть способность к само-

«Русский Колокол. Журнал волевой идеи» *— журнал, издававшийся Иваном Ильиным с целью объединения белой эмиграции для борьбы с большевистским режимом. Несколько первых номеров профинансировал человек из московского купечества, недавно выехавший из России, остальные — некоторые русские патриоты, в частности, С. В. Рахманинов. Но главный взнос сделали премьер-министр Чехословакии Карел Петрович Крамарж и его жена Надежда Николаевна Крамарж, русская по национальности. Наряду со статьями известнейших в эмиграции политиков, военных и ученых — в областях истории, армии, политики, идеологии, религии,— некоторая часть материалов журнала была посвящена конкретным вопросам борьбы: как соблюдать конспирацию, хранить тайну, как вести себя на допросе и в тюрьме. Всего вышло 9 номеров журнала.*

дисциплине и лояльности; нет этого условия — и политическая свобода становится даром напрасным и непосильным. Но если политическая свобода уже «дарована», то критерием ее целесообразности является тот же самый процесс внутреннего самоосвобождения, именно: если от пользования политической свободой внутреннее самовоспитание людей крепнет, люди научаются блюсти взаимную духовную свободу, а уровень нравов и духовной культуры повышается, то политическая свобода дана своевременно и может быть закреплена; но если от пользования политической свободой обнаруживается падение нравов и духовной культуры, если обнаруживается избирательная, парламентская и газетная продажность, если внутреннее самовоспитание людей уступает свое место разнузданию, а свободная лояльность гаснет и люди начинают взаимно попирать личную свободу, то политическая свобода оказывается данному народу в данную эпоху не по силам и должна быть временно отменена или урезана».

***

Любовь Ульянова: *Многие утверждают, что Бердяев — это философ свободы, а Ильин — философ силы. Согласны ли Вы с тезисом, что Ильин — это философ, который лучше всех понимал связь свободы и силы?*

Юрий Лисица: Да, за Бердяевым действительно закрепилось такое наименование — «философ свободы». В первую очередь, потому, что одна из его ранних книг так и называлась — «Философия свободы», но также и потому, что почти в каждой из своих последующих книг он уделял свободе много внимания, особенно в знаменитой работе «Смысл творчества». Ильина лучше и точнее назвать философом «волевой идеи». Он даже издавал в 1927–1930 годах журнал с таким подзаголовком «Русский Колокол. Журнал волевой идеи». Ильин и Бердяев в каком-то смысле (как религиозные философы) схожи, но в подлинном смысле — разные и даже противоположные. Бердяева можно было бы условно назвать «субстанционалистским философом». Он провозгласил примат свободы над бытием — как сверхсущее, придавал ей изначальный субстанционалистский характер — рассматривал свободу как субстанцию. Бердяева интересовала «природа свободы», «свободы — как образа Божьего в человеке», «мистика свободы». Бердяев был мистик-иррационалист. Ильина можно было бы назвать, с одной стороны, «волевым философом» (если различать по Афанасию Александрийскому субстанцию и волю в Боге), с другой стороны «философом-феноменологом», который искал «сущность свободы», «свободы — как подобия Божия в человеке», «обретения свободы и воспитания свободного духовного волевого характера в человеке». Ильин был интуитивист-пневматолог.

Любовь Ульянова: *Видимо, играет свою роль то, что свобода — одна из самых сложных философских категорий...*

Юрий Лисица: Да, она даже сложнее истины, которая ускользает в последний момент. Напомню: Ильин различал три свободы: внешнюю (отрицательную, свободу от чего-либо); внутреннюю (положительную, свободу к чему-либо), как свободу духовную (тело и душа человека, по Ильину, несвободны по своей природе), которую нужно еще обрести и упрочить внешней свободой (автономией), силою характера, любви, веры, воспитания; и политическую свободу (свободу общения), которая предполагает, что человек воспитал и освободил самого себя, и потому может воспитывать других к свободе. Первые две свободы у Ильина индивидуальны, третья, как разновидность первой, личностна, так как предполагает любовь к другому инобытию (даже к множеству других иных). Последняя — самая трудная

и ответственная. Теперь вернемся к последней цитате из Ильина. Речь идет о необходимости свободы для России, свободы русскому, свободы всех нас. Здесь имеются в виду первые две свободы, перенесенные Ильиным с персоналистического плана на национальный и государственный план. Вопрос правомерности такого переноса, конечно, остается открытым, но никто не станет отрицать, что свобода имеет ценность только индивидуальную, а не всеобщую; суверенитет и есть такая свобода.

Любовь Ульянова: *Как сказанное Вами об Ильине сопоставить с Бердяевым?*

Юрий Лисица: Стиль письма Бердяева афористичен, принципиально не рационалистичен, так как он отвергал в философии какие-либо доказательства; вместо них он приводил после своего мистического опыта показательства, или, понятнее, свидетельства. Но был ли его мистический опыт подлинным? Не было ли это наваждением сатаны или другой отрицательной духовной силы? Критерия «такого знания» у Бердяева нет. Его книги — это короткие предложения-афоризмы — удачные и не совсем, верные и неверные, значимые и пустые. Хочу сказать, что Бердяев был одним из моих любимых русских философов, если не первым (как Владимир Соловьев) или вторым (как Павел Флоренский), то уж точно третьим, так как четвертым был Сергей Булгаков. Поэтому я не пытаюсь как-то дискредитировать его и его способ философствования. Связь между свободой и силой у Ильина я понимаю как силу духа, силу внутреннего очищения от ненависти, злобы, корысти, зависти, зла и греха. В своей работе «Путь духовного обновления» он писал: «Без свободы — гаснет дух; без духа — вырождается и гибнет свобода».

***

Любовь Ульянова: *В русской философии нередко присутствует оправдание насилия в форме войны (Соловьев, Достоевский). Можно ли утверждать, что при этом оправдание жандармов, в целом всей духовной сущности контрреволюции (работа Ильина «О сопротивлении злу силою») — это явление исключительное?*

Юрий Лисица: Здесь, простите меня, много типичных и грубых ошибок в постановке вопроса. Во-первых, никто и никогда не оправдывал насилия в войне. Во-вторых, термин «насилие» банально явился из толстовского «непротивления злу насилием» и существенно отличается от Ильинского «сопротивление злу силою». Насилие уже несет на себе отрицательный оттенок — это действительно отвратительное во всех отношениях злое действо; сила же всегда была положительным феноменом: сильный человек, сильный характер, сильное государство, сильный рассказ и тому подобное.

Ильин указывал на ошибку Владимира Соловьева сводить серьезные философские вопросы и проблемы, в частности, войны, зла, и тому подобное на бытовой уровень, на разговор. Никто, к сожалению, не оправдывал жандармов и контрреволюцию, а следовало бы. Жандарм в России (как сейчас в Италии) был символом порядка; когда Февральская революция разогнала жандармов, в стране начался хаос. Контрреволюцию также никто серьезно не поддержал, зато Совдепию вскоре поддержали западные страны. Книга Ильина «О сопротивлению злу силою» 1925 года формально была направлена против большевиков, если сослаться только на неформальное посвящение ее белогвардейцам. Книга же имеет более широкий масштаб и контекст. Именно это вызвало и вызывает неприятие у либеральной общественности (по существу, древнее лицемерие книжников и фарисеев, которое обличал Христос). Книга Ильина не «Кошмар злого добра» (Бердяев), не «ЧК во имя Божие» (Церковник), не «Военно-полевое богословие» (Гиппиус), не «Злое добро» (Айхенвальд), а глубокий анализ трагичности человеческой жизни. Ильин начал свое исследование намного раньше 1925 года — в 1914–1915, 1917 годах.

> ИЛЬИН БЫЛ НОВАТОРОМ, ОБНОВИТЕЛЕМ НАШИХ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ДАННОСТЕЙ В ЕСТЕСТВЕННОМ УСТРЕМЛЕНИИ К ВЫСШИМ ДУХОВНЫМ ЦЕННОСТЯМ

Любовь Ульянова: *Не оказался ли в истории русской философии Ильин фигурой, равной де Местру с его культом оправдания палача?*

Юрий Лисица: Я не знаю, оправдывал ли де Местр культ палача, но Ильин решил этот вопрос радикально и правильно. Из его «О сопротивлении злу силою»: «Меч как символ человеческого разъединения на жизнь и смерть не есть, конечно, "нравственно лучшее" в отношении человека к человеку. Но это "нравственно нелучшее" — духовно необходимо в жизни людей... Так слагается один из трагических парадоксов человеческой земной жизни: именно лучшие люди призваны к тому, чтобы вести борьбу со злодеями — вступать с ними в неизбежное взаимодействие, понуждать их злую

Жозеф-Мари, граф де Местр (1753–1821) — *французский (сардинский) католический философ, литератор, политик и дипломат. Известен как один из основоположников и наиболее влиятельных идеологов консерватизма в конце XVIII — начале XIX веков. В 1803–1817 гг. являлся сардинским посланником в России, где опубликовал некоторые свои основные работы.*

волю, пресекать их злую деятельность и притом вести эту борьбу не лучшими средствами, среди которых меч всегда будет еще наиболее прямым и благородным... Очищение души не менее необходимо и после выхода из борьбы. И прежде всего для того, чтобы обезвредить и погасить в себе всевозможные следы незаметно проникшей заразы...». Особенно вредной заразой является мнимый героизм, злое чувство мести как неверной справедливости, совестливого успокоения, ибо совершивший это неправедное деяние предстанет перед судом Божиим, и если эта зараза останется в его душе, то понесет и он свою кару.

Любовь Ульянова: *Какие аспекты философии Ильина нужно, на Ваш взгляд, актуализировать?*

Юрий Лисица: Актуализировать философию Ильина нужно полностью, но творчески. Ильин сам писал о том, например, что он не может дать обзор будущего русского государственного устройства, но лишь некоторые общие идеи для тех, кто возьмется за великий труд русского государственного строительства в грядущей России. Главный исследователь творчества Ильина и хранитель его Архива в Мичиганском университете Николай Петрович Полторацкий (1921–1990) характеризовал Ильина как либерального консерватора. Я бы добавил к этому, что Ильин был новатором, обновителем наших внутренних и внешних данностей в естественном устремлении к высшим духовным ценностям. Это «вечные основы жизни» («Die ewigen Grundlagen des Lebens», «Вечные основы жизни»,— немецкий вариант его книги «Путь духовного обновления»). Свою мысль о консерваторе-новаторе Иване Ильине я могу подтвердить следующей цитатой из его работы «Наши задачи», 154. «Нам нужно готовить грядущую Россию»: «...все государственные рецепты, идеи и лозунги за последние 30 лет омертвели, выветрились или исказились. Мы ничего не должны и не смеем принимать на веру, всё подлежит пересмотру... Понятия свободы, равенства, народоправства, избирательного права, республики, монархии, федерации, социализма — понимались доселе формально, в отрыве от правосознания и его аксиом, в отрыве от народного душевного уклада и от национальных задач государства. Считалось, а на западе и доныне обычно считается, что свобода и равенство суть бесспорные идеалы, что народоправство есть аксиома для всякого «порядочного» человека, что избрание всегда выше и полезнее назначения, что монархия всегда хуже республики, что враг федерации — есть враг рода человеческого, что социализм могут отвергать только сторонники капиталистической эксплуатации и т.д. ... Мы не можем принимать на веру все эти партийные и часто гибельные предрассудки... Мы должны отвергнуть самый способ постановки политических вопросов — мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, интернациональный, искательно-демагогический. Перед нами не «идеал», не «мечта» и не «доктрина», а жизненная задача воссоздания России. И Россию мы должны понимать, как живое, органически историческое, единственное в своем роде, русско-наследственное государство, с его особою верою, с особыми традициями и нуждами».